

Ирина Мазаева
Когда мечты улыбаются
Серия «Только для девчонок»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6538472
Когда мечты улыбаются: повесть: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66513-6

Аннотация

Идти к мечте всегда непросто, путь долог и тернист. Вика и сама не верила, что у нее получится. С детства она видела себя байкершей, летящей на железном коне по дороге. И для своей мечты девушка делала все: ночами разбиралась в хитром строении мотоциклов, зубрила правила дорожного движения, осваивала вождение на старом байке знакомых. Вот только своего не то что мотоцикла, даже шлема у Вики не было. Казалось, все напрасно, но мечты сбываются у тех, кто верит...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирина Мазаева

Когда мечты улыбаются

Глава 1

Свидание

1.03.

«Вот сейчас возьму и напишу всю-всю правду про него! А вообще-то я никогда не говорю правду – а зачем? Какая людям разница? Им всё равно! Их вопросы – дань мнимой дружбе и участию, так принято. Та же Надя Ложкина – самая лучшая на свете! – спрашивает, думаю ли я о нём, люблю ли я его, хочу ли встретиться с ним и т. д. А сама заранее уверена, что я скажу «да», невзирая на то, что я отвечаю. И я вру! Одноклассникам я вообще всегда вру. Им бывает любопытно, но сами они меня ненавидят. Мама спрашивает, всё ли у меня нормально, но что она может сделать, чем помочь в моём одиночестве? И я вру! Но, боже, как я хочу ПРАВДЫ! Я хочу открыться кому-то, хоть бумаге. Она не имеет рта, чтобы разболтать, но имеет тело, чтобы хранить откровения, она бесконечна, как Вселенная, ничего не умея, она может слушать, с бездушной, с ней я делюсь душой, потому что я – СУМАСШЕДШАЯ – CRAZY! И поэтому я пишу: у меня сегодня будет свидание с ним! С НИМ! Может быть, это не любовь, это просто я всё вбиваю себе в голову. Но что это?! Это состояние неизвестности и известия, тоски и тихой радости, это мысли, мечты и сны, это – исписанные листы бумаги. Я чувствую в себе огромную силу! Потому что он есть на свете! Он считает меня глупой – да, я – CRAZY! И даже если я для него никто, развлечение – мне всё равно. Потому что это ВРАНЬЁ!»

Ровно в пять вечера в квартире Вики Сорокиной раздался писк домофона, и она быстро спрятала свой дневник. А уже через пару минут на пороге её квартиры возникла Надя Ложкина, одноклассница и, по совместительству, лучшая подруга:

- Привет, Вичка! Как жизнь молодая? Готова к большой внеземной любви?
- Привет, заходи. – Вика привычно изобразила равнодушно-спокойный вид.

Мамы Вики, как обычно, не было дома, а потому вся однокомнатная квартира была в полном её распоряжении. Обе тут же воспользовались ситуацией: разложили на диване наряды, а на столе косметику. Ещё бы! Ведь это воскресенье обещало быть самым замечательным днём в их жизни: они собирались на свидание!

На самое-самое настоящее в их жизни, самое первое свидание. Свидание пара на пару. С Генкой Фроловым и Серёгой Черемшиным из десятого «А» их родной школы. Вике нравился высокий кареглазый Генка, а Наде – сероглазый шатен Серёга. Обнаружили это подружки почти полгода назад, ещё осенью, сидя на подоконнике в школьном коридоре, глядя на парней и шёпотом оценивая их по незатейливой шкале «урод – не урод». Найти парней была инициатива Нади, она же тогда первая ткнула подругу в бок: «Смотри, смотри, эти двое вроде как ничего». И Вика согласилась: «Ага, мне больше нравится тот, что повыше».

А потом началось всё, что обычно и начинается с девчонками, когда они заприметят на своём горизонте более-менее привлекательный объект противоположного пола. Подружки внимательно изучили странички Генки и Серёги «ВКонтакте», выяснили, под какими они

знаками зодиака родились, и всё прочитали про эти знаки, собрали среди одноклассников и знакомых всю доступную информацию о парнях, узнали их адреса и телефоны. А потом Надя стала требовать немедленных действий, а Вика – растерялась.

Но «немедленных действий» не понадобилось: Генка и Серёга вдруг сами стали ненавязчиво попадаться им на глаза в школе и во дворе, где подружки каждый вечер прогуливались с собаками. Кроме того, парни добавились к ним в друзья «ВКонтакте» и стали «лайкать» их фотографии. А пару недель назад Фролов с Черемшиным сами – САМИ! – подошли к подружкам в столовой и поинтересовались, были ли те в недавно открывшемся рядом со школой кафе «Ложный пафос».

Вика тогда от неожиданности онемела. Да, они с Надей, конечно, мечтали о любви, о парнях, об отношениях... Но тут *оно* случилось. ОНО СЛУЧИЛОСЬ! Мечты стали воплощаться в реальность: два совершенно конкретных парня приглашали их на самое настоящее свидание! Вика онемела и растерялась. А Надя – хоть бы хны, спокойно пояснила, что нет, мол, не были. И стала расспрашивать: «А что за место? Стоит ли туда сходить?», а потом даже немного кокетливо посетовала: «Эх, хотелось бы... Да не с кем». Вика тогда ещё вздохнула про себя: нет у них никого и никогда не было, ни в кафе, ни на каток, ни в кино ходить им было совершенно не с кем. И тут... парни ухмыльнулись и пригласили их в «Ложный пафос». У Вики от сердца отлегло. А само сердце тут же едва не выпрыгнуло. А Надя ничего, как будто так было и надо, спокойно согласилась составить им компанию.

И вот теперь этот день настал. Вчера «ВКонтакте» параллельно Вике Серёга, а Наде – Генка написали что-то вроде: «Ну чё, так завтра в семь, в Пафосе?» И снова сердце Вики ёкнуло: ведь до этого было непонятно, кому из парней кто конкретно из них нравится, а тут – прояснилось, и пазл сошёлся: как подружки распределили друзей между собой, так и вышло. А потому сегодня на диване были разложены наряды, на столе – косметика. Сегодня у обеих должна была начаться новая жизнь! Новая, взрослая и настоящая. Хватит смотреть кино про любовь – пора любить! А для этого нужно быть красивыми, сногшибательными, обворожительными.

Надя пришла к подруге в джинсах, а ворох юбочек и кофточек принесла с собой в двух пакетах.

– Я не знаю, что надеть. Понятия не имею! Я так волнуюсь... – приговаривала она, перебирая вещи.

– Я тоже не знаю, что надеть! – вторила ей Вика, вытаскивая всё подряд из шкафа.

В конце концов, после долгих дебатов, облачений и разоблачений, обе нарядились и даже остались довольны собой и друг другом. Потом так же долго укладывали волосы и красились. Опомнились, только когда прозвенел заботливо поставленный Надей на полседьмого будильник мобильного.

– О боже, пора бежать! – всплеснула руками Вика.

И подружки, обувшись и укутавшись в пуховики, рванули из дома.

1 марта – первый день весны! Но на улице весной, что называется, и не пахло. Сугробы вдоль тротуаров поражали своими масштабами, холодный воздух перехватывал дыхание, руки и лицо зябли, а ноги на каблуках отчаянно скользили по льду. Но подружки этого не замечали. Весна для них была не снаружи, а внутри. Весна! Самая настоящая весна! Когда хочется влюбиться и быть любимой. Когда сердце поёт. Когда любовь греет. Когда...

– Как я выгляжу? – в сотый раз спросила Вика Надю: с каждой минутой у неё всё меньше получалось сохранять невозмутимость.

– Замечательно. А я?

– И ты – лучше всех! Как ты думаешь, а как всё пройдёт? А о чём мы будем говорить? А как нам себя вести?

– Я-то откуда знаю! Я сама волнуюсь, – развела руками Надя. – Почему в школе не изучают, как себя вести на первом свидании?

Волнуясь, они добрались до «Ложного пафоса». И делать было нечего: надо было идти внутрь. Внутри их ждали Генка и Серёга. Они уже заняли столик и приветливо махнули подружкам: сюда!

Перед парнями стояли бокалы с кока-колой, Вика заказала себе кофе и любимый чизкейк, а Надя – зелёный чай и мороженое. Серёга, едва официантка отошла, тут же стал рассказывать про каких-то своих крутых знакомых, которые старше его на два года и уже учатся в техникуме и с которыми он ходит «отрываться» в какой-то клуб. Вике принесли кофе, и она тут же схватилась за кружку, как утопающий за соломинку.

Она сидела в кафе с парнями! На свидании! Мысли прыгали у неё в голове. Она пыталась вслушаться в рассказ Черемшина, но у неё мало что получалось. К тому же она одновременно пыталась придумать, что бы такое рассказать ей самой. Но, как ни крути, «крутых» знакомых у неё не было, а в клубах она не была. Похвастаться ровным счётом было нечем. Не рассказывать же про себя, что живёт она с мамой в однокомнатной квартире?..

Вика покосилась на Надю. Та, по крайней мере внешне спокойно, пила свой зелёный чай. И тоже молчала. Смотрела то на Черемшина, то на Фролова, который время от времени тоже вставлял свои пять копеек в рассказ друга, уточняя, что и он с ними ходит по клубам и тоже знает много «крутых» парней.

– А в прошлые выхи мы с такими тёлочками познакомились, а потом с ними... – между тем попытался окончательно «сразить» компанию Серёга, но тут неожиданно встряла Надя.

– С кем? С тёлочками? Это ты о девушках так?

– Да. А что? – удивился тот.

– То есть для тебя это нормально: называть девушек «тёлочками»?

– А чё? Да ладно тебе, я же не вас так называю. Солнце моё, не сердись.

– Ничё, – передразнила его интонацию Надя. – Думай, когда, о чём и с кем говоришь.

Вика внутренне вздрогнула: ну вот зачем Ложкина встряла со своими замечаниями? Многие парни называют девчонок «тёлочками». Неприятно, конечно, но что теперь, со всеми бороться, всех перевоспитывать? На первом свидании только конфликта не хватало! Вот возьмёт Черемшин обидится и уйдёт. И всё, поминай, как звали. И никакой тебе большой и внеземной.

Но Черемшин не обиделся, а продолжил как ни в чём не бывало. А потом и Фролов вступил с рассказом, как они с пацанами по Инету часами в какую-то игру «режутся». В какую конкретно, Вика не поняла и не запомнила, а в подробностях просто запуталась, но всеми силами изображала внимательную слушательницу. Пока Надя снова не влезла.

– Парни, а можно, мы тоже что-нибудь расскажем? Или, думаете, у нас в жизни ничего интересного не происходит?

– Конечно, расскажите! Сами же сидите и молчите. А нам интересно! – поддержал её Фролов.

– А мы с Викой – собачницы. У неё – фокстерьер Керри, а у меня спаниель Черри. А вы собак любите?

– Да я так, нормально к ним отношусь. Я бы себе бойцовую завёл. Чтобы все боялись. А чё? Прикольно: идёшь, и все на другую сторону улицы переходят, – поделился Генка.

– А я бы двух! – тут же встрял Серёга.

– Куда тебе двух? Ты их боишься!

– Сам ты!.. Боишься! Ты на кого батон крошишь, фраер?

– Достал ты со своим батонком. Где слоган-то подцепил? У гопников?

Парни, до того сидевшие за столиком расслабленные, подались навстречу друг другу, готовые едва ли не сцепиться прямо в кафе. Тут уже не выдержала Вика:

– Мальчишки, не надо. Ну что вы? Бойцовые собаки и правда страшные. Я их тоже боюсь.

– Ой, да вы, бабы, всего боитесь, – тут же отмахнулся Серёга.

– Что это за обобщение? Мужчины тоже много чего боятся! – снова встряла Надя.

– Да, он вечно с какой-то гопотой наобщается, а потом на меня гнать начинает, – пожаловался на Серёгу Генка.

– Сам ты гопота!

Вика опять перепугалась, что все разругаются, и вцепилась во Фролова:

– Пойдём, потанцуем?

Она уже успела заметить, что в «Ложном пафосе» в углу зала была небольшая сцена, а рядом с ней – свободное пространство. Народ потихоньку прибывал, и нет-нет да кто-нибудь выходил потанцевать: девчонки – под зажигательные мелодии, парочки – под медленные композиции. А тут как раз заиграла одна из её любимых – Элвис Пресли «Love me tender».

Не ожидавший такого предложения Генка растерялся, а Серёга моментально его поддел:

– А он людей боится. Все на него смотреть будут, а у него штаны мятые...

– Да ничего я не боюсь! – огрызнулся Генка и потащил Вика к сцене.

И снова сердце Вики едва не выпрыгнуло из груди: она впервые в жизни танцевала медленный танец с парнем! На глазах у всех!

– А ты – симпатная, – сказал ей парень, прижимая к себе. – Ты с кем-нибудь встречалась?

– Нет. У меня никого нет. Я свободна, – тут же открестилась Вика.

– Я тоже один. Одинокый волк. Все эти девчонки в клубах – всё это так... Достали меня. Клеятся и клеятся...

– А-а... – Вика не знала, о чём положено говорить во время танца, а потому совершенно растерялась и замолчала.

Love me tender, love me true,
All my dreams fulfill...

– из динамиков звучал вкрадчивый голос Элвиса, певший о любви. А Вика, слушая текст, всё больше нервничала. «Почему опять я теряюсь и боюсь? Почему я вечно не знаю, что сказать? А вдруг Гена не выдержит и убежит от меня сломя голову?» – паниковала она про себя.

When at last my dreams come true,
Darling this I'll know...

«...ведь это же моё первое свидание! А я веду себя дура дурой. Неужели же я всё испорчу и свидание закончится?! Я всегда такая ужасная...» – продолжала она свой монолог, уже почти забыв про парня, с которым танцевала. А когда песня кончилась, очень удивилась, обнаружив себя в центре кафе рядом с Фроловым.

– Идём, – Генка уверенно взял её за руку и потащил обратно к их столику.

За которым, не обратив внимания на их приближение, продолжали свой диалог Серёга и Надя.

– ...должна знать, что я – эгоист. Я – Скорпион, мстительный и подлый. Я даже, как сказал, так и должно быть. Но я – честный. Это другие там что-то про себя плетут, ля-ля-тополя. А я сразу: такой – и точка.

– Спасибо за честность.

Вика и Генка только подсели, а Надя уже встала из-за стола. Поискала глазами официантку и крикнула:

– Девушка, счёт, пожалуйста.

А потом обернулась к Вике:

– Вичка, я уйду. Ты как: со мной или останешься?

Вика, которая ещё не пришла в себя после первого в своей жизни медленного танца с парнем, который ей нравился, в изумлении уставилась на подругу:

– Что случилось?

– Правда, что случилось? – поддержал её не менее удивлённый Серёга.

– Всё просто, – пояснила Надя, обращаясь к парню. – Ты мне сказал, что ты – мстительный и подлый эгоист. Спасибо за честность. Ценю. Но от таких людей я предпочитаю держаться подальше.

Она быстро глянула на сумму в счёте и сунула в книжечку с чеком купюру.

Вика, которая была искренне уверена, что раз их пригласили парни, то они и должны платить, изумилась ещё больше.

– Так ты идёшь или остаёшься? – ещё раз спросила её Надя.

– Иду.

Парни же так и остались сидеть в молчаливом удивлении.

Глава 2

Вика Сорокина

У Вики Сорокиной были две мечты и одна тайна. Первая мечта – с самого раннего детства: иметь свой мотоцикл. Лететь на нём по трассе быстрее ветра и чувствовать скорость. Как будто перестаёшь быть человеком, а становишься кем-то другим. Становишься свободной.

Стоило в фильме появиться героине или герою на байке, как фильм для Вики тут же становился сверхинтересным. Ведь они же могли так лихо гонять по ночному городу, преследовать преступников или убегать от врагов, путешествовать по всему миру и брать с собой свою лучшую подругу или друга – значит, могла и она. Особенно Вике нравились женщины за рулём, то, как они останавливались, снимали шлем, и по плечам рассыпались длинные волосы. И эти женщины – героини фильмов казались такими хрупкими, нежными рядом со своими тяжёлыми мощными железными конями.

И она хотела стать такой же. Не просто девчонкой, которая ходит в школу, живёт с мамой, покупает в магазинах продукты и одежду, а *девчонкой с мотоциклом*. Сильной, смелой, отважной. Настоящей. В сто раз более настоящей, чем в кино. *Байкершей*.

Вике казалось, что она родилась с этой мечтой. И год за годом мечта не только не оставляла её, но и крепла, перерастала в уверенность, что именно так и должно быть в её жизни: у неё должен быть мотоцикл. Вика не просто мечтала, она упорно и упрямо двигалась навстречу своей мечте. И звёзды благоволити ей.

Каждое лето они с Надей проводили на даче у Надиной бабушки. А два года назад там вдруг стал появляться подружкин двоюродный брат Славка. Он был старше их на семь лет, и у него был свой мотоцикл. Совсем не такой, как в кино, конечно. Старенький и видавший виды «Минск». Но он заводился, и на нём можно было гонять по улицам дачного кооператива и дальше, в сторону города.

Одна Вика знала, сколько унижений ей пришлось пережить, чтобы убедить Славку научить её ездить на мотоцикле. «Отвянь, малявка», «Изыди, нечисть», «Перестань кудахтать, курица» – это были самые безобидные слова в её адрес. Славка не был плохим или жадным, просто у него в голове не укладывалось, что четырнадцатилетняя девчонка может мечтать стать байкершей. Но её упорство и упрямство победили. Она день за днём исполняла все Славкины поручения, была, как он сам её иной раз называл, «его рабыней», и в конце концов парень сдался и посадил её в седло.

Этот день Вика помнила до сих пор. Со всеми подробностями. Как он объяснял ей устройство мотоцикла, как показывал, где находится стартер, рычаг коробки передач, вращающаяся рукоятка управления дроссельной заслонкой и педаль ножного тормоза. Вика всё это знала – ведь она давно уже перелопатила весь Интернет и изучила всё это в теории! – но всё равно внимательно слушала, ведь настал момент практики, который она ждала всю свою жизнь.

А потом она села за руль. Славка не решился отпустить её одну и уселся сзади. Но Вика быстро забыла о его существовании. Первая передача, вторая передача, третья... Всё было так, как она себе и представляла в мечтах перед сном. Гладкая асфальтовая дорога послушно ложилась под колёса. Двигатель работал ровно и надёжно. Мотоцикл уверенно мчался вперёд, а она... летела. И Славка в какой-то момент перестал хвататься за руль и истошно кричать: «Не гони! Не гони!»

Вика летела. Не в мечтах, не во сне, а наяву. На настоящем мотоцикле, *байке*. Сама. Даже Славка не удержался и одобрительно буркнул, когда они остановились: «Ты как будто

родилась в седле». И с этого дня больше не было никаких унижений. Они со Славкой стали одинаковыми, равными друг к другу в своей единственной, но пламенной страсти под названием «мотоцикл».

Были, конечно, и падения, и серьёзные травмы, и истерики мамы, и двухмесячный запрет на появление на даче Надиной бабушки, и разборки со Славкой, которому тоже доставалось от взрослых, и много чего ещё. Но Вику уже было не остановить. Она потихоньку разбиралась в устройстве мотоцикла, помогала Славке чинить поломки. Даже гантели себе купила и кистевой эспандер. Качала дома пресс и спину, чтобы легко катать байк, затягивать самый тугой болт и самой менять колёса. Вика знала, чего она хочет. Мечта стала ближе. Вика научилась водить и ремонтировать мотоцикл.

Но дальше всё было далеко не так радужно. Во-первых, нужно было получить права. А для этого надо было пройти обучение в автошколе. На которую у Вики не было денег, а её мама спонсировать предприятие отказалась наотрез. Во-вторых, мечтать о самом мотоцикле тоже можно было сколько угодно, но он *стоил денег*... Викина мама не то что не горела желанием покупать байк, но даже слышать про это не хотела, сама же Вика училась в девятом классе, и учиться ей было ещё о-го-го сколько: два года в школе и четыре, как минимум, в вузе. И только потом можно было думать о работе, которая бы позволила мечте осуществиться.

Вика не злилась на маму и прекрасно понимала причину её отказа. Пока они жили втроём, пока папа был с ними, денег хватало на всё. И на еду, и на красивую одежду, и на бытовую технику, и на подарки «просто так», и на поездки на море. Но... но четыре года назад папа от них ушёл. И с ним же ушло финансовое благополучие. Вика знала, что мама не просто содержит их обеих, но и выплачивает её отцу долю за квартиру. А это – большие, даже огромные деньги.

Её мама нашла себе вторую работу: она «жила с бабулькой», как это называла Надя. С богатой «бабулькой» в огромном частном доме. Богатый сын этой женщины жил и работал в Москве, а его мама мучилась от одиночества. Ей пришлось в голову нанять себе женщину-компаньонку, которая будет не просто помогать по дому, но и беседовать с ней на «умные темы», а также ночевать с ней в доме, в котором «бабулька» боялась оставаться одна.

Поэтому, вернувшись с основной работы домой, Викина мама наскоро перекусывала, расспрашивала Вику, как в школе, и уходила к «бабульке». Там она пила с ней чай перед сном, обсуждала городские новости, а потом укладывалась спать в комнате для гостей. В выходные мама помогала «бабульке» возиться с цветами на участке, если это было лето, или посещала с ней выставки и театры, если была зима. Её работодательница жалование платила исправно, расплачиваться с долгом хватало, но на этом деньги и заканчивались. Еда и одежда покупались по минимуму. О мотоцикле не могло быть и речи.

– Мечтай о скутере, – обычно советовала ей Надя. – На него и прав не надо, и стоит он дешевле.

Но Вике это казалось предательством: ведь мотоцикл – это мотоцикл, а скутер – что? Так, развлечение для детишек. Оставалось только с нетерпением ждать лета, чтобы снова поехать на дачу к подружкиной бабушке, там с нетерпением ждать выходных, на которые приезжает Славик, а потом – ждать те возжеленные час-полтора, на которые он обычно одалживал ей своего железного коня. И снова – лететь по дороге, чувствовать себя смелой, сильной и свободной.

Вика даже волосы старательно отращивала, чтобы, как в кино, они упругой волной вырывались из-под снимаемого шлема. Волосы уже были ниже талии. Ровные, русые, красивые. Только даже шлема у неё своего не было, не то что мотоцикла...

Вторая же Викина мечта была, так сказать, не совсем Викина... «Нам пора встретить свою большую внеземную любовь, – где-то с год назад заявила Надя. – Мотоциклы мото-

циклами, но любовь – это тоже важно и нужно». Вика и сама перед этим заметила, что интересные фильмы бывают не только про мотоциклы, но и про отношения. А потому не стала особенно сильно противиться подруге: должна быть вторая мечта – значит, должна быть.

С тех пор Вика с Надей начали говорить о любви и поглядывать на парней. Мечтать, прикидывать, примеривать на себя. Каково это – влюбиться? Как начинается любовь? Как её узнать? Тем более что в их классе уже многие девчонки стали встречаться с парнями. По крайней мере, стали постоянно говорить о них, хвастаться новыми знакомствами, кокетничать с одноклассниками и устраивать бесконечные вечеринки-посиделки-прогулки. И только подружки не участвовали в этом действе. Потому что у них никого не было. Ни одного знакомого парня, кроме одноклассников. Если, конечно, не считать Славку. Но ведь он был на семь лет старше, был двоюродным братом Нади, да и к тому же с прошлого лета серьёзно встречался с девушкой своего возраста. Поэтому Вике только и оставалось, что писать о своей мечте в дневник.

А дневник – это была Викина *тайна*. В её столе лежала общая тетрадка с фокстерьером на обложке, в которую она записывала свои мысли.

22.02.

«Сегодня начался новый период в моей жизни – осознание себя, своих возможностей, достоинств и недостатков.

САМОПОЗНАНИЕ

САМООЩУЩЕНИЕ

Да, до этого я не знала себя и не понимала – отчего была не уверена в себе; не верила в себя (действительно, а не на показ, мол, я – никто, отстаньте от меня!), ибо как верить, не зная во что? Пряталась ото всех). Теперь я точно знаю, кто я: я девчонка, которая хочет влюбиться. Так странно, до этого я об этом не думала. Как будто у меня раньше в жизни было всё, что мне нужно, а теперь оказалось, что не всё. Что мне нужно что-то ещё. Я хочу испытать любовь. Вот так вот! Можете радоваться! Я – такая же, как все! Я хочу, чтобы в моей жизни появился парень, в которого бы я влюбилась, ибо в жизни надо всё узнать, а я не знаю, каково это – влюбиться. Только как влюбиться, когда я поняла, что я – уродина? Я – УРОДИНА. Пожалуйста, я это признала. Вы рады? Рост – метр семьдесят, вес – восемьдесят пять килограммов. На каблуках я выше большинства одноклассников. Я не стройная, не хрупкая и не воздушная. Я – уродина. И с этим ничего не поделать. Осталось только разобраться с другими своими недостатками. Надо сделать их достоинствами (я имею в виду не что-то плохое – жадность, нечестность, бессовестность – нет! – милые мелкие оплошности). Уж коли тянет вратъ – надо вратъ для смеха. Чтобы всем было весело. Плюс надо воспитывать в себе положительные черты: пунктуальность, добросовестность, трудолюбие. Надо поверить в то, что я смогу сделать себя (уж коли природа дала в некоторых областях маловато). Чтобы меня любили не за внешность, а за душу. Только на это нужно много времени».

Про дневник Вика не говорила никому, даже Наде. Хотя некоторые мысли не только записывала, но и озвучивала подруге. Как, например, про то, что она – уродина.

– Кто уродина? Ты – уродина? – всегда моментально отзывалась Ложкина. – Какая чушь! Да, ты высокая. А потому искать парня надо не среди одноклассников, а постарше. Логично? А ещё – верить в себя, плюнуть на зеркало и самой взять всё в свои руки.

В конце концов, Надя сама «взяла всё в свои руки», а потому и неудивительно, что на их пути появились Генка Фролов и Серёга Черемшин. Генка Фролов был на полголовы выше Вики! И всё могло бы быть хорошо, и всё могло бы получиться, если бы, как была убеждена Вика, Надя всё не испортила прямо на первом свидании. А потому, едва выйдя из «Ложного пафоса» на мороз, она тут же едва не расплакалась:

– Как ты могла?.. Почему мы ушли?.. Почему ты ушла?..

– Могла бы и остаться. Я тебя за собой не тянула. Кстати, ещё не поздно вернуться, – пожала плечами Надя, но потом заметила состояние подруги: – Ты что, плачешь?

– Нет, нет, слёзы от мороза, – открестилась Вика.

Подружки дошли – почти добежали – до Викиного дома, поднялись к ней в квартиру попить чаю. Надя, улыбаясь, вытащила из сумочки шоколадку и торжественно положила на стол, но Вика ее проигнорировала.

– Прости, но я так и не поняла, с чего ты на Черемшина взъелась? – разливая по кружкам горячий чай, поинтересовалась она.

– Чего непонятного-то? Если человек говорит, что он – подлый мстительный эгоист, то мне рядом с ним нечего делать, – пояснила Надя. – Сама посуди: вот ты про себя станешь рассказывать, что ты – подлая и мстительная? Нет, потому что ты – хорошая и добрая. А он – не такой. Или ты мечтаешь встречаться с подлым эгоистом?

– Может, он не это хотел сказать? Может, я тоже – подлая эгоистка, просто про себя этого не знаю? Может, он тебя просто проверял?

– Что хотел сказать, то и сказал, думаю. То, что ты допускаешь, что ты себя не знаешь, это понятно, я тоже, наверное, не всё про себя знаю. А он, судя по его уверенному виду, всё про себя знает. Ну и какие у меня основания ему не верить? А если это проверка – то что он хотел проверить? Да и вообще, я против каких-либо проверок. Что за чушь? Я хочу честных и открытых отношений. Хочешь что-нибудь узнать – спроси.

– Но ведь разве не глупо из-за одной фразы человека сразу вычёркивать его из своей жизни? Портить первое свидание? И не только себе, но и мне?..

– Эх, если бы дело было только в одной фразе... – вздохнула Надя, отпивая чай. – Не знаю, как ты, а я за ним наблюдала всё время. Мы на свидание какие пришли? Кра-си-вы-е! А Черемшин? Он пришёл в трениках. Ну, или в каких-то похожих на них штанах. Это нормально? А потом он стал про тёлочек рассказывать. Это нормально, да? Меня тошнит от парней, которые называют девчонок тёлочками. Ведь они же, получается, и нас так за глаза называют! А я – не тёлочка.

– Может, это и не так страшно... Ведь они же все...

– Не все! – перебила Надя. – Мне лично такие парни не нужны. Мне это противно. Сначала «тёлочки», потом – тупые анекдоты про блондинок, потом – «молчи, женщина». Фу! Аж противно. Да и вообще, они оба ведь нас даже не слушали! Выпендривались перед нами, а не слушали. Как будто мы – пустое место. Ты разве не заметила?

– Да они просто растерялись! Они, может, с девчонками никогда не встречались, вот и волновались. В кругу парней привыкли говорить про тёлочек, вот и с нами вырвалось. Почему ты к парням такая жестокая? Мы ведь тоже не идеальны! – разволновалась Вика. – А теперь как были мы без парней и без любви, так снова и остались. Сама же меня убеждала в том, что нужно найти парней! Признайся, ведь Серёга тебе встречаться предложил?

– Предложил, и что? Я же тебе сказала, что я не буду встречаться с мстительным подлым эгоистом. А ты что, готова абы с кем встречаться, лишь бы был «свой парень»?! Я в шоке.

– Будешь ещё печенье?

– При чём тут печенье?! Ты меня слушаешь?

– Да...

– Не хочу я больше печенья. Жаль, что ты меня не слушаешь и не слышишь. – Надя решительно поднялась из-за стола. – Спасибо за чай. Мне пора. Давай вернёмся к разговору завтра?

– Пора так пора... – растерялась Вика. – Как скажешь, давай завтра...

– Ты хотя бы подумай об этом! Раз мне говорить не хочешь.

– Хорошо. Пока-пока! – подружки попрощались; только Вика так и не поняла, о чём она должна была подумать.

Расстроенная, она вернулась на кухню. Посмотрела на часы: времени было почти десять. Маму можно было не ждать: сегодня, как и почти каждую ночь, она ночевала у «бабульки». И для Вики это был вовсе не плюс, как посчитали бы все её одноклассники, которые только и ждали, чтобы «предки свалили на Северный полюс». Для неё это был минус: она постоянно была одна.

Одна, одна и одна. Вся однокомнатная квартира принадлежала ей: и кухня, и ванная, и телевизор, и компьютер, и кровать с диваном – где хочешь, там и спи. И только дневник да верная фокстерьерша Керри всегда были рядом с ней. Вика допила чай с печеньем и заглянула под стол: та, как обычно, свернувшись калачиком, спала у ног хозяйки.

– Гулять? – резко спросила Вика, чтобы в очередной раз насладиться реакцией собаки.

Керри немедленно подскочила вверх и пулей рванула из кухни. Слово «гулять» она узнавала в любом контексте и тут же стартовала к входной двери. Убедить её, что «гулять» может относиться не к ней, было невозможно: за «гулять» всегда надо было отвечать – немедленно отправляться с ней на улицу.

Но в данный момент Вика была честна со своей любимицей. Она поднялась с табуретки и направилась в прихожую одеваться. Ведь как бы она выносила одиночество, если бы у неё не было собаки?

Глава 3

Надя Ложкина

Надя Ложкина была решительной и уверенной в себе. Она всегда знала, что хочет, упорно шла к цели и могла сказать «нет» кому угодно. Надя хотела зарабатывать деньги, и она их зарабатывала: в свободное от учёбы время она трудилась курьершей в одной крупной фирме. Надя собиралась поступать на экономический факультет и читала книги по экономике и финансам, занималась с репетиторами, не сомневаясь, что поступит именно туда, куда хочет.

Наде всё удавалось, потому что она была *уверенной в себе*. Казалось, девушка не страдала ни от каких комплексов, её миновали все проблемы переходного возраста, и даже своей внешностью она была совершенно довольна. Надя обладала ясным и здравым умом, логическим мышлением, была независимой в оценках и в суждениях, могла кому угодно сказать что угодно, а потом нести ответственность за свои слова. Так, Надя могла ловко отшить на улице любого нахала, осадить учителя, попытавшегося повисить на учеников голос, посмеяться от души над откровенными глупостями одноклассниц и отказать нахальным одноклассникам, пытавшимся списать у неё на контрольной. Она легко заявляла о своих желаниях, не стеснялась просить других о помощи, добиваться и требовать того, что ей причитается.

А Вика ей завидовала. Она мечтала быть похожей на подругу. Быть такой же уверенной в себе, целеустремлённой, работоспособной и тоже *зарабатывать деньги*. Мечтала, мечтала, мечтала... Пока Надя однажды не высказалась: «Может, перестанешь завидовать и тоже определишься, кем хочешь быть и как можешь заработать деньги?» И тут Вика встала в тупик: ведь она понятия не имела, кем она хочет быть и как может заработать деньги. Вика вообще мало что знала про себя...

А еще Надя увлекалась психологией. Она постоянно читала в Интернете о том, как правильно общаться, как стать богатой, как производить впечатление на парней; она проходила тесты, стараясь понять себя и изучить себя. Она постоянно находила какие-то психологические теории, которые то пыталась доработать, то – проверить на практике, то – свести в некую систему.

Вика охотно прослушивала подружкины размышления на тему психологии, но сама почему-то эту науку боялась. Ей казалось, что пройди она хоть один тест, как всем сразу будет понятно, что она – *ненормальная*. В чём конкретно будет заключаться её ненормальность и кому «всем» это немедленно будет понятно, Вика не знала, но тем не менее от подозрительной науки старалась держаться подальше.

А Наде благодаря психологии или чему-то там ещё всё ясно и понятно: вот чёрное – вот белое, так можно – а так нельзя, это правильно – а это неправильно. И теперь она не мучилась, не страдала, она просто делала свой выбор, всегда могла его аргументировать и готова была за него нести ответственность. Вика же, напротив, редко когда в чём была уверена на все сто.

27.02.

«Трудно, потому что не знаешь, где правда. Что правильно, а что – нет, чего придерживаться, а чего не стоит. Как лодка в грозу на реке: то к одному, то к другому берегу. Но в каждой реке есть острова, а ещё – мели. Миром правят две вещи: любовь и деньги. Ради каждой можно сделать всё. Есть ещё люди, но от них лучше держаться подальше. Потому что они – злые. Есть ещё добро, которое стоит творить. Только ради чего? Ради возвышения в своих и чужих глазах? Или ради чего-то другого? Потому что

не творить его просто не можешь?.. Есть зло, с которым, наверное, стоит бороться. Или лучше от него держаться подальше?.. Иногда мне кажется, что человеком вообще правит эгоизм. И зло, и добро он творит ради себя самого. Никто не сделает тебе добро просто так, ради тебя самой. Тогда главное – быть как все. Чтобы твои цели сходились с общепринятыми. Лишь бы была цель (любовь и деньги) – и вперёд! Или всё вовсе совсем не так? Но если не так – то как?..»

– писала Вика в своём дневнике; иногда ей казалось, что подруга, которая всё знает и во всём разбирается, гораздо старше неё.

Хотя на самом деле старше была Вика. Ей уже вот-вот должно было исполниться шестнадцать. Родители – а тогда у неё были и мама, и папа – отдали её в школу позже, чем других детей. Они были уверены, что Вика не справится со школьной программой. Что она слишком молчаливая, замкнутая, что слишком боится незнакомых людей, чтобы легко и запросто подружиться с одноклассниками и привыкнуть к учителям. А Ложкину, напротив, отвели в первый класс даже раньше, чем было положено.

– Я и в садике была самая умная, самая смелая и самая взрослая, – любила хвалиться Надя. – И в начальной школе меня никогда не оставляли в продлёнке – всегда были уверены, что я благополучно доберусь до дома и сяду за уроки. Я родилась под уверенным в себе и решительным знаком зодиака – Стрелец.

А Вика была Рыбы. «Ни рыба, ни мясо» – как любила она сама говорить про свой знак в те моменты, когда ненавидела себя за нерешительность и неуверенность. «Зато ты – тонко чувствующий человек, творческий, но ранимый. Тебе бы стихи писать – у тебя бы получилось!» – утешала её обычно Надя. «Писать стихи...» – всегда лёгким трепетом отзывалось что-то внутри у Вики... Но даже думать об этом ей было страшно.

А Наде, казалось, вообще никогда не было страшно. Она всегда и во всём полагалась на свой интеллект, гордилась своей логикой и умением принимать решения. И время от времени журила подругу за излишнюю эмоциональность, пугливость и, как она это называла, аморфность.

– Ты какая-то *аморфная*, – часто повторяла подруге Надя. – Ты как будто есть, а как будто тебя нет. Ты часто смутно представляешь, чего хочешь, и понятия не имеешь, как этого добиться. И ты со всеми готова соглашаться, но ведь так же нельзя!

– Я хочу мотоцикл, – обычно в ответ на это буркала Вика, ведь это и правда было то единственное, что она точно хотела и чего упорно добивалась.

Вступать же в диалог на тему своей аморфности Вика не желала. Ведь, на её взгляд, подруге было легко говорить. Она жила в большой двухкомнатной квартире с мамой и *папой*. У неё была своя комната! А вечерами они ужинали всей семьёй. И в любой момент Надя могла обратиться и к маме, и к папе за помощью и поддержкой. Деньги у них в семье были, и папа, и мама, и сама она трудились и зарабатывали. А покупать Надя могла себе что угодно: хочешь – одежду, хочешь – украшения, а хочешь – и новый телефон.

И училась она лучше. Не витала в облаках, как Вика, обожала алгебру и другие точные науки, но вместе с тем отлично успевала и по гуманитарным предметам. Учёба Наде давалась легко, а потому и на работу курьершей оставалась масса времени. Родители были дочерью довольны. А Вике, чтобы успевать везде, приходилось напрягаться. Хорошо, что хоть её мама не особенно-то всматривалась в дневник. «Двоек нет – и ладно», – обычно говорила она.

Повезло Наде и с внешностью – она была *красивая*: пониже её ростом, тонкая, звонкая, с волнистыми каштановыми волосами. Все джинсы, платья, юбки, туники сидели на ней как влитые. Шли ей идеально: или подходя к тону кожи, или оттеняя глаза, или подчёркивая достоинства фигуры. А чаще – так и всё сразу.

И поэтому Надя могла себе позволить *выбирать* парней. Вот так вот запросто уходить со свидания, пожимая плечами: «Эгоист? Ну ладно, пока, я пошла». А потом уверенно смотреть в будущее и ждать другого, более интересного, более красивого и более умного принца.

– Я себя люблю и ценю, – обожала говорить Надя.

– Я себя тоже, – обычно в ответ на это говорила Вика, но...

Но она кривила душой. Хорошо любить и ценить себя, когда у тебя папа дома, а не бросил вас с мамой со скандалом, когда и денег полно, и внешность, пусть и не фотомодельная, но всё равно где-то около того. А как было быть ей, Вике? Надя жила дома *среди любви*, а потому была уверена, что любви в этом мире – хоть отбавляй. А Вика жила *в одиночестве*, пережив развод родителей, а поэтому в существовании любви она иногда просто сомневалась.

Вика, едва выйдя во двор, сразу спустила Керри с поводка. И та, довольная, тут же помчалась куда-то среди высоких сугробов. А Вика решительным шагом направилась вокруг дома: ближе к ночи температура ещё понизилась, и стоять у подъезда в ожидании, пока собака сделает свои дела, казалось совсем нереальным.

Вике хотелось плакать. И почему она правда убежала из кафе? Ведь это Надя сделала свой выбор, что не хочет встречаться с эгоистом, а ведь её, Викин, Гена – не эгоист. Он не сказал ей ничего плохого, ничего плохого не сделал. И почему Надя так уверена, что они оба – не принцы? Ведь это же её Серёга – не принц, а Генка... А ведь он такой симпатичный... И он пошёл с ней танцевать. И он спросил, встречается ли она с кем-то, а, узнав, что нет, был готов предложить ей встречаться... И она думала о нём почти полгода, и по сто раз переслушала все его аудиозаписи «ВКонтакте», и по сто раз пересмотрела все его фотографии...

Вике позарез нужно было посоветоваться с кем-то ещё, с кем-то взрослым и опытным. Но этот кто-то был на другом конце города, заваривал чай и обсуждал городские новости. И она чуть было не разревелась прямо на улице.

Как вдруг увидела, что Керри несётся ей навстречу в компании английского спаниеля.

– Черри! – обрадованно позвала Вика, и обе псины тут же кинулись ей в ноги, старательно виляя купированными хвостами.

– Ты на меня ещё злишься? – поинтересовалась Надя, подходя. – Я так и думала, что ты пойдёшь гулять с Керри, и тоже решила выйти и всё-таки поговорить с тобой ещё раз.

– Да нет... – вздохнула Вика, – не злюсь. Точнее, не на тебя.

Она готова была согласиться, что в чём-то подруга права. Ведь её саму уже просто тошнило, когда парни называли девчонок «тёлочками». И, наверное, ей бы тоже стало неприятно, если бы парень, который ей нравится, был уверен, что ему можно быть подлым мстительным эгоистом, а она всё равно обязана была бы его любить. И вся разница между ней и Надей была только в том, что подруга моментально всё это улавливала и тут же решительно говорила «нет». Надя не желала со всем этим мириться! А она, Вика, почему-то не то чтобы желала, конечно, но... могла.

Могла промолчать. Могла смириться. Могла потерпеть. Могла сделать вид, что не замечает. Могла уступить. Могла согласиться. Могла пойти на компромисс. Могла, могла, могла...

– Прости меня, я, наверное, сегодня была резка с тобой, но я искренне не могу понять, почему ты готова позволять к себе так относиться? Называть при тебе девушек «тёлочками», например. Терпеть, когда тебе что-то не нравится. Хоть убей – не понимаю.

– Я не знаю, – буркнула Вика.

И тут она была честна: она не знала. Ей казалось, что так – нормально. Что все так делают: что-то – терпят, с чем-то – мирятся, что-то – пропускают мимо ушей. Просто так

принято. Поэтому, наверное, и она ведёт себя именно так – *как все*. И всё бы в этих размышлениях было логично, если бы её самая близкая подруга Надя не вела себя *по-другому*.

– «Я не знаю» – это не ответ, – тут же парировала Надя. – Подумай! У тебя же есть мозг! Проанализируй себя. Что с тобой не так? Человек должен быть... – и она пустилась в долгие философско-психологические размышления.

Вика шла рядом и... не слушала. Она смотрела на играющих, то пропадающих среди сугробов, то снова появляющихся, собак. И почему-то думала о том, как интересно у них подобрались любимицы. У неё, у Вики, – энергичная, весёлая, настырная и везде сующая свой нос фокстерьерша Керри. А у Нади – длинноухая, меланхоличная, с таким выражением на морде, «как будто у неё все умерли», спаниельша Черри. Пока Черри бежала в какую-нибудь сторону, Керри успевала уже сбегать во все и сделать ещё кругов пять вокруг своей подруги.

Собаки и их хозяйки были такие разные, как будто каждая дополняла другую. Бодрость и меланхолия, активность и спокойствие, уверенность в будущем и тоска по несбывшемуся. Между девочками и их собаками была та же самая разница, что и между самими подругами. Надя в их тандеме отвечала за активность, напор, уверенность, а Вика... А вот тут Вика вдруг озадачилась: «А что такое есть во мне, что привлекает ко мне Надю? Или нет во мне ничего, и только она мне нужна, чтобы верить в меня, раз я сама в себя не верю?»

На этом моменте мысли кончились, и Вика потерялась. Она шла и пыталась нащупать направление «куда думать дальше». Но у неё ничего не получалось. Слишком много всего произошло в этот день, чтобы думать. Были лишь разочарование и усталость.

– ...и поэтому мне кажется, что с тобой что-то не так, – между тем резюмировала Надя и в ожидании ответа на свой долгий спич уставилась на подругу.

– Со мной всё так! – тут же испугалась Вика, которая всё прослушала и теперь не знала, что сказать.

– Тогда почему ты всегда всё терпишь?

– Я не терплю.

– А что ты делаешь?

– Я не знаю.

– Ты опять не хочешь разговаривать?

– Ой, смотри, пластинки!

Подруги проходили мимо помойки, и Вика едва не наступила на россыпь пластинок, которые кто-то выбросил. Она тут же кинулась подбирать их:

– Как давно я не слушала пластинки! От... от папы, – она с трудом выговорила это слово, – остался проигрыватель с колонками.

– Ты что, это старьё домой потащишь? Зачем они тебе?! – Надя даже не взглянула на Викину находку.

– Надя, прости, но ты бываешь такой занудой!.. – не выдержала та, разглядывая свои сокровища.

– Да ладно тебе, я же для твой пользы стараюсь.

– Для моей пользы ты уже разрушила моё первое свидание.

– Тебе по третьему кругу объяснить, что этот Фролов – это не парень твоей мечты?

– Почему ты снова влезаешь в мою жизнь?! – Вика снова была готова расплакаться. – Это Серёга – не парень твой мечты, а Генка – не такой, не такой!

– Прости, Вичка, прости! Я, как обычно, начинаю давить на тебя. Останавливай меня! Я не хочу делать тебе больно. Стой!

Вика послушно остановилась. Надя встала перед ней и неловко похлопала подругу по плечу:

– Ладно, Вичка, не вешай нос. Может быть, твой Фролов, и правда, не такой. Ну, удрала ты со свидания, и что? Ты поступила *загадочно*. Пусть мучается. Он ещё напишет, я думаю. И всё у вас будет отлично. И вообще, завтра – замечательный день. Завтра же в ДК КВН! Ты не забыла, что мы собирались туда выбраться и посмеяться вдоволь?

– Точно! А я и правда забыла, – спохватилась Вика.

– На этот случай у тебя есть я, – улыбнулась Надя.

Глава 4

Одноклассники

А потом наступил понедельник, который подруги дружно ненавидели. Потому что надо было идти в школу.

Едва они зашли в кабинет химии, как среди одноклассников тут же повисла тишина. Первая красавица их класса Лиза Фокина восседала на учительском столе в новом тёмно-зелёном коротком платье в обтяжку, эффектно закинув ногу на ногу.

– А... столовый набор объявился... – в тишине ехидно произнесла она.

«Столовый набор» – это была общая обидная кличка подружек. А по отдельности Вику звали Вилкой, а Надю – Ложкой.

Вика тут же втянула голову в плечи, а Надя, проходя мимо, слегка ущипнула красавицу за бок:

– Ой, у тебя тут пятно, кажется. Где ты могла уделаться?

Лизка тут же зло фыркнула и изогнулась, как кошка, пытаясь посмотреть, что у неё там, но быстро сообразила, что её обманули.

– Поговори у меня! – огрызнулась она.

Но Надя уже не обращала на Фокину внимания. Вика же и вовсе постаралась мышкой шмыгнуть за свою парту. Но... тут их обеих поджидал неприятный сюрприз: оба их стула были старательно заштрихованы мелом.

Вику с Надей одноклассники не то чтобы травили, ненавидели или как-то жутко не любили, но... Но определённое напряжение между ними и классом было. Их либо не замечали: не звали на вечеринки, не допускали в разговоры, не садились с ними в столовой; либо – делали им мелкие пакости. Ни с того ни с сего. Просто так. Просто стало скучно, и кому-то пришла в голову идея подшутить над «столовым набором».

Идея чаще всего приходила в голову Лизке Фокиной. Та была эффектной: высокой, красивой, с длинными чёрными как смоль волосами и серо-голубыми глазами в окружении длинных, как в рекламе, ресниц. Лизкины родители хорошо зарабатывали, и красавица могла ни в чём себе не отказывать: одевалась, как модели на обложках глянцевого журналов, имела все возможные модные гаджеты и время от времени хвасталась новыми золотыми украшениями. Все парни не только в классе, но и во всей параллели и даже старшеклассники были от неё без ума и из кожи вон лезли, чтобы заслужить Лизкино расположение. Учителя Фокину недолго любили, но побаивались, ведь случись что, в классе немедленно объявлялся её папа и быстро наводил порядок.

В школе Лизка чувствовала себя безнаказанной, но при этом предпочитала кидать идеи, организовывать и направлять, а самой руки не пачкать. На это у неё была свита – две верные подружки – Савельева и Пономарёва, которые всегда готовы были сделать Вике и Наде какую-нибудь мелкую пакость, чтобы заслужить похвалу своей королевы. Королевы, которая все свои претензии к «столовому набору» сводила к двум пунктам: «уродины» и «слишком умные».

Не отставали от девчонок и парни. Лидерами в классе были два друга: Костя Губин и Женя Ищенко. Оба были спортсменами, увлекались пейнтболом, по выходным пропадали в модных клубах, а по понедельникам шумно рассказывали о своих похождениях. Их родители тоже были обеспеченными, поэтому парни могли позволить себе несколько больше, чем все остальные. И, конечно же, оба мечтали завоевать сердце Фокиной. Которая время

от времени приближала к себе то одного из них, то второго, провоцируя друзей на вечные ссоры и выяснения отношений.

Зло парни срывали на «столовом наборе». Причём Губин больше цеплялся к Наде, а Ищенко – к Вике. В Наде Губина доводили до белого каления её ум, уверенность в себе и нестигаемость. Сам он с трудом вытягивал на «троечки» по алгебре и геометрии, а Ложкиной математичка давала отдельные задания, повышенной трудности, потому что учебник та прорешала ещё в начале года и делать ей на уроках иначе было бы нечего. Губин же, несмотря на это, упорно пытался называть Надю «тупой овцой», чем только страшно веселил её: Ложкина обычно советовала ему заглянуть в собственный дневник и признаться себе, наконец, кто у них в классе «тупая овца». Отчего Костя бесился ещё больше.

Ищенко же поддевал Вику. Стоило ему увидеть её, как он тут же расплывался в противно-довольной улыбке: «Поросёночек наш пришёл, хрюкает что-то себе под нос», – и всё в том же духе. Откуда взялся «поросёнок», Вика не знала, но была уверена, что кличка связана с её внешностью – точнее, с её лишними килограммами. Стоило ему просто тихонько хрюкнуть, проходя мимо, как слёзы сами наворачивались на глаза девушки. Вика из всех сил старалась, отжималась дома, качала пресс, но стройнее не становилась. И у неё не получалось, как у Нади, легко и запросто осадить обидчика, а потому всё, что ей оставалось, – молчать и давиться слезами. Надя Вику, как могла, защищала от нападок, но всё равно им обоим приходилось несладко. Даже если вас двое, то всё равно трудно постоянно выдерживать оборону против двадцати трёх.

– Надейка, ты же умная, ну что, что нам делать? – после каждой новой выходки одноклассников вопрошала обычно Вика. – Я так больше не могу, не могу...

– Я подумаю, – обычно отвечала Надя и что-нибудь придумывала.

Перепробовано было много всего. Подружки стали одеваться в том же стиле, что и Лизка Фокина со своей свитой. Но здесь шансы изначально были неравны: финансовые возможности фокинского папы в разы превышали таковые подружек.

Тогда, продолжая в меру своих сил поддерживать стиль, обе попытались копировать манеру поведения и разговора классной элиты. Но здесь подружки быстро сломались сами: выучить фальшивые жесты и поддерживать глупые разговоры у них получалось, но вести себя подобным образом оказалось невероятно противно.

Пытались Вика с Надей и *стать приятными* – наладить нормальные отношения. Говорили комплименты одноклассникам, давали списывать на контрольных, делились запасными ручками, но... Но всё это было воспринято скорее как признак слабости, как окончательная и бесповоротная капитуляция, а потому травля, вместо того чтобы стихнуть, только усиливалась.

Когда подружки перепробовали всё (и ничего не помогло), они сначала совсем отчаялись, а потом даже как-то успокоились. Одеваться вроде бы и продолжали, подражая заданному Фокиной стилю, но одноклассников тоже стали избегать: общались на переменах друг с другом, на их выходки и поддёвки либо не обращали внимания, либо Надя одной фразой поддевала в ответ, но дальше в перепалку уже не вступала. А когда Фокина однажды стала хвастаться на весь класс, что со следующего года родители её переведут учиться в какую-то другую крутую-прекрутую школу, так у них и вовсе появилась надежда.

После утреннего инцидента от подружек все отстали. Потому что одноклассники шумно обсуждали предложение Фокиной. 8 Марта выпадало на субботу, а Лизкины родители как раз собрались уехать на выходные, и квартира оставалась в полном распоряжении первой красавицы. Конечно же, она предложила устроить вечеринку в честь праздника!

Все тут же разволновались и на каждой перемене предлагали всё новые планы развлечений. Сама же Фокина старательно сохраняла главную интригу: кого из класса она соби-

рается позвать к себе, а кого нет. Понятно, что Губин с Ищенко приглашаются автоматом, ближайшая её девчоночья свита – тоже, но другим одноклассникам оставалось только нервничать и из кожи вон лезть, угождая королеве, чтобы оказаться в числе избранных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.